

Ирина
ФЕОКТИСТОВА

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

БЫВШИЕ

Верни ТЕБЯ ВНОВЬ

Нина Феокистова

Бывшие. Верну тебя вновь

<https://litres.ru/74074899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ксения едет к своей лучшей подруге Альбине сообщить радостную новость «Она беременна». И застаёт там мужа, который выходит полуголым из душа. Захар предлагает ей все забыть и клянётся, что такого больше не повторится . Но Ксения уезжает из города , не сообщив мужу, что она ждёт ребенка. Захар настойчиво ищет ее и находит только через два года. Но она теперь не одна , а с дочерью, которой почти два года. Сможет ли Захар заслужить прощение и вернуть семью ??? И сможет ли Ксения простить измену и предательство, ведь теперь она уже не та, что раньше..

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Нина Феоктистова

Бывшие. Верну тебя вновь

Глава

Глава 1.

Я даже не поняла, как оказалась у дома Альбины.

Вышла из женской консультации, села в машину и поехала, как на автопилоте. Просто нужно было кому-то рассказать эту новость, меня прям распирало от радости и счастья. Не по телефону, а глядя в глаза. Потому что сегодня на приеме врач вдруг улыбалась и сказала: «Поздравляю, Ксения, вы беременны». А я стояла и думала только об одном: как же Захар наверное обрадуется этой новости.

Мы женаты с ним уже шесть лет. Мне двадцать восемь лет, мужу недавно исполнилось тридцать пять. Вроде уже давно пора, мы очень хотели ребенка, но никак не получалось забеременеть. А тут, отпустив ситуацию, вдруг получилось. Наверное, это судьба.

Я вдруг представила лицо мужа, когда он узнает о ребенке: сначала на нем появится удивление, затем счастливая улыбка, потом конечно он меня обнимет и поцелует, а я как всегда уткнусь носом ему в шею, и всё будет у нас будет хорошо.

На работу к нему я не поехала — секретарша сказала, что он куда-то уехал. И тогда я вспомнила про свою Альбину.

Альбина моя лучшая подруга. Мы с ней дружим с первого курса. Всегда были друг за друга горой. Она знает про меня всё: про мои ссоры с Захаром, про его дурацкие привычки, про то, как я бешусь, когда он не моет за собой чашку. И она всегда его защищает. «Ксюха, ты дура, такого мужа нужно еще поискать. Я б такого берегла как зеницу ока».

Я хотела набрать её номер на телефоне, но потом сбросила вызов. Лучше приеду к ней неожиданно. Сделаю сюрприз, вот она наверное обрадуется! Посидим вместе на кухне, поплачем от счастья, а потом я поеду домой, и в романтической обстановке при свечах я расскажу Захару про ребенка..

Дверь мне открыли не сразу.

Сначала я слышала какое-то шебуршание за дверью, потом щелкнул замок и на пороге появилась Альбина. Странно, но дальше порога она меня не пустила и как будто-бы была не рада моему визиту совсем.

На ней был надет шелковый халат с глубоким разрезом на груди. Я его прекрасно помню, она его недавно купила и хвасталась мне им: «Смотри, какая прелесть, никакой мужик теперь передо мной не устоит». Халат был распахнут сильнее, чем надо, открывая ее грудь. Волосы были мокрые, видимо она вышла только что мылась.

— Ксюш? — голос у неё был какой-то странный, испуганный. — Ты почему ... не позвонила заранее, что приедешь?

Я смотрела на нее и не понимала, почему она не приглашает меня зайти, почему смотрит на меня с испугом.

И тут вдруг до меня дошло.

Всё же совпадало. И халат, и мокрые волосы, и этот запах духов, и её глаза какие-то шальные, которые бегают туда-сюда.

— Ты не одна? — спросила я. Голос почему-то сел.

— Ксюш, слушай, правда, давай ты придешь завтра? — она попыталась закрыть дверь. — Я перезвоню чуть позже, хорошо?

Я упёрлась рукой в косяк. Не знаю зачем. Просто ноги не двигались.

И тогда из ванной раздался шум воды. Потом послышались шаги и в коридор вышел он, мой муж, Захар.

Он был почти голым, лишь полотенце прикрывало его мощные бедра. Волосы были мокрыми, он вытирал их вторым полотенцем.

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Мне казалось, что это какой-то дурной сон. Сейчас я проснусь, и все это исчезнет.

Но это был не сон, к сожалению.

Он остановился, посмотрел сначала на меня, потом на Альбину. И лицо у него по этом было такое... спокойное. Будто я пришла к ним гости, а он просто вышел из душа. Никаких эмоций, ни стыда, ни страха.

— Привет, — сказал он. — Заходи, раз пришла. Только

давай без криков и истерик, хорошо?

Без криков...

У меня внутри всё оборвалось. Я стояла в дверях и смотрела на них двоих: она в откровенном халате теребит свой пояс, он стоит с мокрой головой и смотрит на меня, как на пустое место.

— Что это значит? — спросила я. Голос дрожал от сдерживаемый эмоций . — Что здесь происходит?

Альбина молчала. Опустила глаза и смотрела куда-то в сторону.

Захар вздохнул. Устало так, будто я задала глупый вопрос.

— Ксюш, мы с Альбиной давно вместе.

Я покачнулась. Прислонилась к двери, потому что ноги перестали меня держать.

Давно? Как давно? Месяц? Год? Всё это время, пока я ждала его дома, готовила ужины, верила, что он задерживается на работе, — он был здесь с любовницей?

Я посмотрела на Альбину. На мою подругу, которую считала самым близким человеком после мужа.

— Ты... — я не могла подобрать слов. — Как ты могла, ты же моя подруга...

Она подняла глаза. И знаете, что я там увидела? Не стыд, нет. Я увидела там жалость ко мне.

— Ксюш, прости, — сказала она тихо. — Просто так получилось.

Так получилось. Столько лет дружбы и так получилось...

Захар шагнул ко мне. Я думала, он сейчас обнимет, скажет, что это ошибка, что он дурак, что это просто розыгрыш.

— Я из семьи уходить не собираюсь, — сказал он. Ровно, спокойно так. — У нас с тобой семья, общий дом. Ты меня устраиваешь как жена. А она... — он кивнул на Альбину, — это моё личное дело. Тебя это не касается.

Личное.

Не касается.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё холодеет. Как будто меня облили ледяной водой с головы до ног и выставили на мороз. Шесть лет брака коту под хвост. Меня предали два самых близких человека и меня это не касается...

И тут я вспомнила про то, зачем я приехала. Про тест, который лежал у меня в сумке.

Я уже открыла рот, чтобы сказать ему про ребенка. Чтобы посмотреть, как они отреагируют на эту новость. Чтобы посмотреть, как у них вытянутся лица.

Но в последний момент я передумала и ничего не сказала.

Потому что вдруг поняла: этот ребёнок никому не нужен кроме меня. Потому что у него скоро не будет семьи, не будет отца. Если Захара наплевать на меня и мои чувства, что уж говорить про ребенка? Вот почему он не никогда не устраивался, когда очередной тест оказывался отрицательным, просто он не хотел от меня иметь детей.

Я развернулась и быстро пошла к лестнице. Лифт ждать

было уже просто не в состоянии. Ноги тряслись, я спотыкалась на ступеньках, хваталась за перила. Никто не крикнул вслед: «Постой!». Никто не побежал за мной, хотя я ждала каждую секунду, что Захар меня остановит.

На улице шел дождь. Холодный, противный, лило прямо как из ведра. Я дошла до машины, села, и тут меня прорвало. Я завывала в голос, как побитая собака, уткнувшись лицом в руль. Всклипы рвались из груди так сильно, что заболели кости.

А потом я положила руку на живот. Там, внутри меня, была она или он. Маленькая жизнь, которая ничего не знает про то, что его папа только что разрушил жизнь его мамы. И про то, что мама сейчас даже не представляет, что же будет дальше.

Я смотрела на окно квартиры Альбины и думала: вот сейчас он там допивает чай, вытирает мокрую голову, потом целует её. А я здесь одна и никому нет до меня дела.

И что мне теперь делать с этой новостью о беременности? Мне даже рассказать ее некому: мамы не стало уже давно, отца я своего не помню. Осталась только бабушка, но я не хотела расстраивать ее, потому что не смогу сдержаться, заплачу. А ей нельзя волноваться, она уже старенькая.

Глава 2.

Сколько я просидела в машине, не помню. Дождь стеной заливал лобовое стекло, дворники мотались туда-сюда, но я их не видела и не слышала. В голове была пустота, сердце

сжималось от боли так, что было трудно дышать.

Окно Альбины горело ярким жёлтым светом. Интересно, он все еще там? Как странно устроена жизнь: только недавно я была самая счастливая женщина на свете. А теперь мой мир рухнул в один миг. Не представляю, смогу ли я когда-нибудь забыть то, что сегодня увидела.

Я зажмурилась и с силой сжала руль. Не думать. Только не думать об этом.

Телефон завибрировал. Я посмотрела на экран — Захар. Сбросила. Через минуту позвонила Альбина. Тоже сбросила. Потом они стали писать. Сообщения сыпались одно за другим, я видела только первые слова: «Ксюш, давай поговорим...», Захар просит передать...», «Ты не так поняла...»

Не так поняла... Если бы я не так все поняла, если бы

Я горько усмехнулась и завела машину. Куда ехать, я не знала. К бабушке? Она сразу поймет, что что-то случилось, начнет допрос, а я не выдержу, разревусь, и тогда она поедет разбираться с Захаром, а этого я допустить не могла. К свекрови? Той только дай повод, она сразу скажет, что я плохая жена и сама во всем виновата. Мы с ней никогда не находили общий язык, по ее мнению я была недостойна ее сына.

Подруг, кроме Альбины, у меня близких тоже не было в этом городе.

Получалось, что ехать мне некуда и не кому.

Кроме своего дома.

Наш дом я очень любила. Мы его выбирали вдвоем, вместе

делали ремонт, вместе покупали туда мебель. Я так гордилась нашей спальней с большими винтажными окнами, нашей кухней, где все выбрано было с такой любовью. Я же думала, что строю свою маленькую крепость. А оказалось — карточный домик, который скоро рассыпается.

Я вошла в прихожую и замерла. Всё было как всегда. Пахло парфюмом Захара и выпечкой — утром я пекла шарлотку, хотела его порадовать, он очень рано сегодня ушел на работу и не завтракал. На столе остывал чайник. В коридоре лежали его тапки, мои стояли рядышком.

Я прошла в спальню, села на кровать и вдруг увидела нашу свадебную фотографию в красивой рамке. Мы там смеёмся, я в белом красивом платье, он в черном костюме, и кажется, что у нас вся жизнь впереди и нас ждет только счастье и любовь.

Я взяла фотографию, посмотрела на неё, а потом со всей силой швырнула ее об стену. Стекло разлетелось с таким звуком, что заложило уши и я на миг оглохла.

И тут у меня в животе что-то кольнуло. Слабо, едва заметно. Я замерла и прислушалась к себе. И вдруг отчётливо поняла: я теперь не одна. Эта крошечная жизнь внутри тоже чувствует мою боль, мою злость и страх.

Я опустилась на пол прямо среди осколков и обхватила живот руками. Что же мне делать, малыш? Как же нам с тобой быть дальше?

За этим занятием меня и застал Захар.

Я не слышала, как он вошёл. Просто вдруг дверь спальни открылась, и он появился на пороге. Уже одетый, причесанный, спокойный. Смотрел на меня, на осколки, и молчал.

— Ты как сюда попал? — спросила я тупо. Голос был чужой, хриплый.

— У меня ключи есть и я тут живу, если ты не забыла об этом — ответил он всё тем же ровным тоном. — Ксюш, давай поговорим нормально.

— Нормально? — я поднялась с пола, порезав ладонь о стекло, но даже не почувствовала боли. — Ты спишь с моей лучшей подругой и хочешь поговорить нормально?

Он вздохнул и прошёл в комнату, сел на кровать, не обращая внимания на осколки под ногами. Сцепил руки в замок, посмотрел на меня снизу вверх.

— Я же сказал: я из семьи уходить не собираюсь. Ты моя жена. Это твой дом. Всё останется, как было раньше.

Я смотрела на него и не узнавала. Где тот мужчина, который клялся мне в вечной любви? Который говорил, что я — его единственная? Который плакал на нашей свадьбе, когда мы обменивались кольцами?

— Как было? — переспросила я. — Ты будешь дальше к ней бегать, а я должна делать вид, что ничего не происходит?

— Я клянусь, что этого больше не повторится, — сказал он. — Это просто было ошибкой.

Меня захлестнула такая волна гнева, что замутило. Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— А если я не согласна как раньше?

Он пожал плечами. Это жест добил меня окончательно. Он просто пожал плечами, будто я предложила поменять обои или переставить мебель.

— Ну тогда будет развод, потом дележка дома, начнутся сплетни, — перечислил он буднично. — Ты останешься в статусе «разведенки», одна. Ты этого хочешь? Я думал, ты умнее.

Ну да, конечно. Значит, умная жена должна закрывать глаза на измены. Рожать детей, ждать его с работы, а он пусть гуляет, ему же это надо.

Я вдруг вспомнила, что лежит в моей сумке.

Я открыла уже рот, чтобы сказать ему, ведь все-таки он отец. А потом подумала, что он не заслужил этого и промолчала.

Потому что вдруг поняла: если я скажу ему этом сейчас, он использует это. Ребёнок станет ещё одним аргументом, чтобы я осталась с ним и терпела дальше такое отношение к себе. предавший единожды, предаст и дважды, так всегда говорила моя мудрая бабушка.

Я не знала, чего от него ждать. И это было самое страшное.

— Знаешь что, — сказала я тихо. — Уходи пожалуйста.

Он встал, поправил рубашку.

— Я переночую сегодня в гостиной, — сказал он. — Завтра поговорим спокойно, когда ты остынешь. И убери здесь все, а то порежешься.

Он вышел, а я снова опустилась на пол. Рука саднила, по пальцам текла кровь. Я сидела посредине этого хаоса и гладила свой живот.

— Ты у меня теперь только мой, — прошептала я. — Никому тебя не отдам.

Глава 3.

Ночь я провела в детской.

У нас была комната, которую мы когда-то планировали сделать для ребенка. Светлая, с большим окном, выходящим во двор. Мы даже обои купили — с мишками, смешные такие, в сине-голубой гамме. Захар тогда смеялся: «А вдруг девчонка будет?» А я отвечала: «Девчонке мишки тоже подходят». Обои так и лежали в кладовке, мы всё время откладывали ремонт.

Я постелила старый плед прямо на полу, так как мебели там еще не было, свернулась калачиком и смотрела, как за окном медленно наступает рассвет. Мысли в голове были тягучие, липкие, как патока. Я перебирала в памяти последние месяцы, искала знаки, которые проглядела.

Вспомнила, как Захар стал все чаще и чаще задерживаться на работе. Как в него появились командировки, которых раньше почти не было. Как он перестал смотреть мне в глаза, когда отвечал на мои вопросы. Как охладел ко мне в постели.

А ещё я вспомнила Альбину. Её внезапные советы: «Ты бы Захару больше свободы давала», «Мужикам нужно разнообразие», «Не будь такой занудой». Она видимо готовила

меня к тому, что будет. Или просто оправдывала себя?

Под утро я провалилась в тяжёлый сон без сновидений, а проснулась оттого, что кто-то тряс меня за плечо.

— Ксюша, вставай, — голос Захара звучал непривычно мягко. — Ты чего здесь спишь? Простынешь ведь.

Я села, растирая затекшую шею. В комнате было холодно, отопление ещё не включили. Захар стоял надо мной с чашкой кофе в руках. На лице была забота. Самая настоящая, мне не показалось?

— На, держи, — он протянул чашку. — Я бутерброды сделал. Завтракать пойдём?

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри разрывается сердце. Вот он — мой муж. Тот, за кого я выходила замуж. Который по утрам варил мне вкусный кофе и делал бутерброды с сыром, потому что знал, что я их люблю. Который обнимал меня, когда мне было страшно, и говорил, что всё будет хорошо.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я тихо.

Он вздохнул и сел рядом на пол, прямо на плед. Помолчал, покрутил в руках мою чашку.

— Я не хочу тебя терять, Ксюш. Правда. Ты — моя семья. Мой дом. Всё остальное — это... ну, так, ерунда. Понимаешь?

Ерунда.

Я смотрела на него и вдруг отчётливо поняла: он действительно не понимает, что сделал чего-то ужасное. Для него

измена — это как сходить в кино или на качалку. Развлечение, которое не имеет о последствий. Он любит меня, правда любит. Просто ему видимо нужно разнообразие. А я должна это принять, потому что я его настоящая любовь. Видимо надо гордиться, что после всех его измен он все равно будет возвращаться ко мне

— А Альбина знает, что она для тебя ерунда? — спросила я.

Он дёрнул щекой.

— Мы об этом с ней не говорили.

— А о чём вы с ней говорили? — я чувствовала, как внутри закипает злость. — О чём можно говорить, когда ты спишь с подругой жены?

— Ксюш, — он взял меня за руку. — Давай не будем нагнетать обстановку. Я всё решил. С Альбиной я порву сегодня же. Если хочешь, я прям при тебе ей позвоню.

— И что будет дальше? — я высвободила свою руку. — Ты через месяц найдёшь себе другую? Или вернёшься к ней, когда я успокоюсь?

Он промолчал. И это молчание было красноречивее любых слов.

Я встала, чувствуя, как затекла спина. Взяла чашку с кофе, сделала глоток. Горький, без сахара. А я люблю с сахаром. Значит, делал для себя и перепутал чашки.

— Я хочу, чтобы ты уехал, — сказала я ровно.

— Ксюш...

— Уезжай, Захар. На пару дней. Мне нужно подумать.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом кивнул и поднялся.

— Хорошо. Я поживу пока в квартире. Но мы поговорим, когда ты будешь готова. И запомни: я тебя правда люблю.

Он вышел, а через полчаса я услышала, как хлопнула входная дверь. Я подошла к окну и увидела, как он садится в машину, как заводит мотор, как выезжает со двора. И только когда его машина скрылась за поворотом, я позволила себе заплакать.

Я плакала долго, навзрыд, уткнувшись лицом в подушку, чтобы соседи не слышали. Плакала по своей разбитой любви, по преданной дружбе, по неродившемуся ребёнку, который уже никогда не будет жить в полной семье.

А потом я встала, умылась ледяной водой и пошла на кухню. Нужно было поесть. Теперь я должна думать не только о себе.

Я достала творог, фрукты, сделала себе нормальный завтрак. Ела через силу, заставляя себя проглатывать каждый кусок. Потом сходила в душ, оделась и села за компьютер.

Первым делом я набрала в поиске: «Как жить после измены мужа». Почитала форумы, истории других женщин. Кто-то советовал прощать, кто-то — бежать без оглядки. Однозначного ответа не было.

Потом я набрала: «Как подать на развод».

И тут зазвонил телефон. Я посмотрела на экран: это была

Альбина.

Я сбросила. Она позвонила снова. Я снова сбросила. Тогда пришло сообщение: «Ксюша, умоляю, возьми трубку. Я приеду, если не ответишь. Нам нужно поговорить».

Я подумала и набрала её номер сама. Не потому, что хотела её слышать. А потому, что решила: прятаться и убегать я больше не буду.

— Приезжай, — сказала я коротко и отключилась.

Она приехала через полчаса. Я смотрела в глазок, как она топчется на площадке, тербит ремешок сумки, поправляет волосы. Красивая. Ухоженная. Моя бывшая лучшая подруга.

Я открыла дверь и отошла в сторону, пропуская её. Она вошла, разулась (привычка, оставшаяся с тех пор, когда она была здесь частым гостем), прошла на кухню.

Мы сидели друг напротив друга, как когда-то. Только тогда мы пили чай и смеялись, а сейчас молчали.

— Ты прости меня, — сказала она наконец. Голос дрожал. — Я такая дура. Я не знаю, как это вышло. Он сам... он первый ко мне подошел... я не хотела.

— Не хотела — что? — спросила я. — Не хотела, чтобы я узнала? Или не хотела с ним спать?

Она опустила глаза.

— Я люблю его, Ксюша.

Вот так. Просто и прямо. Моя лучшая подруга любит моего мужа.

— А он? — спросила я. — Он тебя любит?

Она подняла глаза, и я снова увидела в них ту самую жалость ко мне.

— Он говорил, что любит тебя. Что я — так, для адреналина. Но я так надеялась... Он ведь ко мне приходил почти каждый день, понимаешь? Не к тебе. Ко мне. Я думала, что это что-то значит.

— Значит, — кивнула я. — Это значит, что он кобель, которому нужно разнообразие. А ты оказалась у него под рукой.

Альбина побледнела.

— Зачем ты так? Я же к тебе с открытой душой пришла. Повинниться и попросить прощения.

— Ты пришла попросить прощение за то, что за моей спиной спала с моим мужем? Альбина, ты себя вообще слышишь?

Она замерла. Секунду смотрела на меня, а потом её взгляд почему-то упал на мой живот. Я невольно прикрыла его рукой.

— Ты... — выдохнула она. — Ты беременна? От Захара?

— Кто тебе это сказал? Нет, я не жду ребенка, так что выдохни

Она закрыла лицо руками. Плечи ее затряслись. Она плакала: то ли от облегчения, то ли раскаяния. Я уже не понимала, где правда, где ложь.

— Господи, Ксюша, прости меня, — запричитала она сквозь слёзы. — Я не знала, что так все получится. Ты зна-

ешь, что я его люблю очень давно? С первого взгляда, как только увидела его. Но тебе всегда доставалось самое лучшее. Почему он достался тебе, а не мне? Я ж намного красивее тебя, интереснее

— И ты решила забрать его себе? — переспросила я. — Не считаясь с моими чувствами?

Она подняла на меня заплаканное лицо.

— А что мне оставалось? Я его люблю. Прости, но ты его недостойна!

Я смотрела на неё и вдруг поняла: она никогда не была моей подругой, она только делала вид, что ею является.

— Слушай меня внимательно, — сказала я тихо, но жёстко. — Я не знаю, что я буду делать с Захаром, с тобой, с вашими отношениями. Но знаю одно: ты мне больше никто. Ты предала меня в тот момент, когда легла с ним в постель.

Она молчала, только слёзы текли по щекам.

— Уходи, — сказала я. — Я больше никогда не хочу тебя ни видеть, ни слышать. Ты для меня умерла с вчерашнего дня.

Она встала, пошла к двери, но на пороге обернулась.

— А если он захочет быть с тобой? Ты его назад примешь? Я посмотрела на неё долгим взглядом.

— А это тебя не касается!!!

Она не ответила. Вышла и тихо закрыла за собой дверь.

Я снова осталась одна. Но теперь у меня хотя бы не осталось иллюзий насчет нее и Захара.

Я подошла к окну, положила руку на живот.

— Ну что, малыш, — прошептала я. — Будем жить дальше. Как-нибудь проживём. Ты только держись там. А мама постарается тебя сберечь.

Первый раз за последние дни за окном светило яркое солнце. И мне показалось, что это знак, что всё будет хорошо.

Глава 4.

Месяц тянулся мучительно долго. Я не жила, а словно существовала: вставала по утрам, заставляла себя завтракать, пить витамины для беременных, ходить на работу и вечером возвращалась в пустой дом. Захар больше не приходил, только звонил. Сначала это было каждый день, потом все реже и реже. Я не брала трубку. Сообщения даже не читала, просто удаляла. В них не было ничего нового для меня: сожаления о своем поступке, обещания все исправить, мольбы, чтоб выслушала.

Альбина исчезла из моей жизни так же внезапно, как появилась в ней когда-то пятнадцать лет назад. Мы больше с ней не пересеклись. Я заблокировала её номер, удалила из всех соцсетей. Вычеркнула и постаралась забыть. С глаз долой — из сердца вон. Хотя оно ныло, особенно по ночам.

Днём я еще держалась: работа стала моим спасением. Я трудилась в небольшой IT-компании на должности пиар-менеджера, и последний месяц просто закопалась в делах: лишь бы не осталось времени на размышления. Начальница, Еле-

на Андреевна, женщина лет пятидесяти, мудрая и проницательная, заметила моё состояние. Но она ничего не спрашивала, только однажды сказала:

— Ксюша, если нужно будет поговорить, знай, что я рядом.

Я кивнула, но не приняла приглашения. Разговаривать не хотелось: хотелось забиться в угол и просто сидеть там до тех пор, пока все не изменится. Но внутри меня росла новая жизнь, и ради неё я должна была держать удар и быть сильной.

На тридцать второй день после того кошмара, Елена Андреевна вызвала меня к себе в кабинет. Я шла с тяжелым сердцем: вдруг будет сокращение? Об этом поговаривали в кулуарах, но я особо в это не вслушивалась. Но она как всегда встретила меня улыбкой.

— Садись, Ксюша. У меня к тебе серьезной разговор.

Я села, машинально положив руку на живот. Живот ещё не округлился, но я уже чувствовала эту потребность — прикрывать его, оберегать.

— Мы открываем филиал в Санкт-Петербурге, — начала Елена Андреевна. — Нужен толковый руководитель. Я подумала о тебе.

Я замерла. Питер? Другой город? Это же совсем другая жизнь!!!

— Это большое повышение, Ксения. Хорошая должность и зарплата соответственно тоже. Плюс мы будем оплачивать

жилье первые полгода. Подумай об этом. Ты справишься, я знаю.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то щёлкает: переезд, начать всё с чистого листа. Там, где не будет Захара и Альбины. Где не надо вздрагивать при виде знакомых машин и бояться случайно столкнуться с ними в каком-нибудь супермаркете.

— Я согласна, — выдохнула я, не успев подумать.

Елена Андреевна удивлённо приподняла бровь.

— Даже советоваться ни с кем не будешь? С мужем на-пример???

— Я уже подумала. Когда нужно будет ехать?

— Через две недели. Время, чтобы подготовиться у тебя есть. Все же я прошу еще раз: ты точно в этом уверена?

Я кивнула. Впервые за долгое время я была уверена на сто процентов.

Вечером я сидела на кухне и смотрела в окно на красивый закат. Рука уже привычно лежала на животе.

— Ну что, малыш, — прошептала я. — Поедем? Начнём с тобой новую жизнь? Там, нас никто не знает и мы будем только вдвоём: ты и я.

Следующие две недели пролетели в суматохе. Я уволилась с формулировкой «по собственному желанию», чтобы не привлекать к себе внимания. О новой должности знала только Елена Андреевна, и она обещала держать язык за зубами. Я собрала документы, оформила перевод в женскую

консультацию по новому месту жительства, купила билет на поезд в один конец.

Я никому не сказала о своём отъезде. Ни Захару, который продолжал изредка писать сообщения. Ни бабушке: и это было самым трудным. Я любила её больше всех на свете. Но если бы я сказала ей об этом, она стала бы волноваться, отговаривать, уговаривать остаться. А потом Захар узнает у нее адрес и приедет, будет снова умолять вернуться, обещать все исправит, и я ему поверю. А я понимала, что это будет ошибкой. Такое прощать нельзя

День отъезда выдался холодным и промозглым. Октябрь в этом году был особенно мерзким. Я стояла на перроне, кутаясь в теплое пальто, и смотрела на город, в котором прожила всю свою жизнь. Здесь я родилась, училась, вышла замуж, здесь же меня предали два самых близких человека. Здесь я похоронила маму. Здесь оставалась моя бабушка.

Рядом стояли две небольшие сумки. Я забрала самые необходимые вещи. Остальное: мебель, одежду, книги я без сожаления решила оставить в нашем

доме. Пусть Захар, если хочет продаст их или выбросит. Мне ничего не нужно из той жизни.

Поезд подошёл ровно в девятнадцать часов. Я зашла в вагон, нашла своё купе, сложила на полку вещи. Села у окна и стала смотреть, как люди спешат по своим делам, как носильщики толкают тележки, как провожающие обнимают отъезжающих.

Меня никто не провожал. В окне холодное стекла отражалось лицо женщины с такими уставшими, но решительными глазами.

Когда поезд тронулся, я достала телефон, вставила новую сим-карту и набрала сообщение бабушке:

«Бабуль, это Ксюша. Прости, что не сказала об этом тебе раньше. Я уехала в Питер по работе, надолго. Не волнуйся, со мной всё будет хорошо. Я люблю тебя. Позвоню, как устроюсь там. Целую крепко-крепко».

Отправила и выключила телефон. Не потому, что не хотела слышать её. А потому, что боялась, что если она позвонит, разревусь и попрошу забрать меня обратно.

Поезд быстро набирал ход. Огни родного города мелькали за окном и исчезали в темноте. Я смотрела на них и чувствовала, как с каждым километром отступает моя боль. Тяжелая, она давила на грудь, а теперь медленно отпускала меня, позволяя дышать полной грудью.

Я не знала, что ждёт меня впереди. Не знала, как справлюсь одна с ребёнком в чужом городе. Но точно знала одно: я сделала правильный выбор.

— Мы справимся, малыш, — прошептала я, поглаживая живот. — Обязательно. Там нас никто не сможет больше ранить и предать.

Поезд мерно стучал колёсами, унося меня в новую жизнь. А я закрыла глаза и впервые за долгие недели позволила себе просто плыть по течению, доверившись своей судьбе.

Впереди меня ждал Питер

Глава 5.

Питер встретил меня промозглым утром и морозящим дождём. Я вышла на Московский вокзал, вдыхая влажный воздух, и впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на свободу. Город просыпался, все спешили по своим делам, и мне никто не мешал раствориться в этом людском потоке, стать одной из тысяч. Никем не узнанной, никому не нужной, никому не обязанной.

Квартира, которую оплатила компания, оказалась уютной «однушкой» в старом фонде на Петроградской. Тут были высокие потолки, красивая лепнина, огромные окна во двор-колодец. И тишина. Такая густая, что сначала звенело в ушах. Я вошла, бросила сумки в прихожей и долго стояла посреди пустой комнаты, слушая, как стучит моё сердце.

— Ну вот мы и дома, малыш, — сказала я вслух. Голос прозвучал глухо, но это было неважно. Важно, что я сказала это здесь. В нашем новом доме.

Первые дни прошли в суматохе. Нужно было оформить документы, встать на учёт в женскую консультацию, купить самые необходимые вещи, освоиться на новой работе. Филиал компании находился в деловом центре неподалёку, и каждое утро я шла туда пешком, разглядывая витрины, людей, серое небо над головой. Питер оказался именно таким, как я себе представляла: красивым, строгим, немного печальным. Идеальное место для того, чтобы залечивать свои раны.

Коллектив встретил меня настороженно, но вполне доброжелательно. Конечно, новое руководство это всегда стресс для подчинённых. Но я старалась быть строгой, но справедливой. В работе я утонула с головой, и это спасало в первое время. Вечерами я возвращалась в пустую квартиру, грела свой ужин, пила чай и смотрела в окно на огни большого города. Иногда звонила бабушка. Я все ей рассказала: и про измену, и про беременность

Мы говорили с ней подолгу. Она не ругала меня за отъезд, только вздыхала в трубку и просила беречь себя.

— Ты главное кушай хорошо, — наставляла она. — Ты ж теперь отвечаешь за двоих. И одевайся теплее, Питер город ветреный и промозглый.

— Хорошо, бабуль, — обещала я. — Ты тоже береги себя. И никому не говори, где я. Особенно Захару, если он вдруг к тебе придёт.

— А он уже приходил, — сказала бабушка однажды. — Всё пытал, куда ты делась. Я сказала: не знаю, внучка у меня взрослая, отчёта передо мной не держит. Он мне не поверил, кричал и ругался даже. Но ты не переживай, я молчала, как партизан.

У меня сжалось сердце.

— Спасибо, бабуль. Ты моя защитница.

— Глупая, — вздохнула она. — Ты же моя родная. А он... бог ему судья. Ты живи и ни о чем не думай.

Я и жила.

На двенадцатой неделе беременности я пошла на первое УЗИ в новую женскую консультацию. Врач оказалась молодой женщиной с добрыми глазами, чем-то похожей на мою маму. Она долго водила датчиком по моему животу, потом улыбнулась и повернула экран ко мне.

— Смотрите, мамочка. Вот ваш малыш. Слышите его сердечко?

Я услышала быстрый, частый стук, похожий на стук колёс поезда, который увёз меня недавно из прошлой жизни. И вдруг разревелась прямо там, в кабинете, размазывая слёзы по щекам.

Врач даже не удивилась. Протянула мне салфетки, подождала, пока я успокоюсь.

— Первый раз на УЗИ? — спросила она понимающе.

— Первый, — всхлипнула я. — Я же совсем одна, мужа у меня нет.

Она кивнула, ничего больше не спрашивая. Только сказала:

— Вы не одна. Теперь вы вдвоём, а это большая разница. Поверьте мне, я много таких мамочек видела, вы со всем справитесь.

Я вышла из консультации с фотографией УЗИ в руках и чувством, что внутри зарождается что-то невероятно важное. Не только ребёнок. Новая я.

Вечером того же дня, разглядывая снимок, я вдруг поймала себя на мысли, что почти не вспоминаю Захара. Его ли-

до почти стёрлось из моей памяти, голос перестал звучать в моей голове. Осталась только тупая боль где-то глубоко, но она уже не мешала дышать. Альбину я тоже почти забыла. Их предательство превратилось в неприятный факт, но уже почти пережитый.

Я достала старый телефон, который так и пролежал в сумке с момента моего отъезда. Включила, экран загорелся, и посыпались уведомления. Сотни пропущенных и сотни сообщений.

Половина из них была от Захара: «Ксюша, где ты?», «Ксюша, умоляю тебя , ответь», «Я скоро сойду с ума», «Прости меня», «Я люблю тебя», «Ксюша!!!».

Вторая от Альбины: «Ксюш, я знаю, ты меня ненавидишь, но я должна тебе сказать... мы расстались с Захаром. Это было большой ошибкой. Прости меня, если сможешь».

И последнее сообщение от Захара: «Альбины больше нет в моей жизни. Я один. Вернись, прошу тебя».

Я пролистывала сообщения с каменным лицом. Потом зашла в настройки и нажала на кнопку сбросить все до заводских настроек. Телефон перезагрузился и все удалилось.

После этого я вынула сим-карту и разломила её пополам. Раздался хруст и всё: связь с прошлым оборвалась навсегда.

Недели летели одна за другой. Я втянулась в работу, нашла пару приятельниц среди коллег, даже начала ходить на курсы для беременных. Там я познакомилась с девушками в похожих ситуациях, и это очень сильно помогало. Мы пи-

ли чай после занятий в кафе, обсуждали приданое для малышей, смеялись над глупостями. У меня была обычная и спокойная жизнь. Та, о которой я мечтала.

Живот рос медленно, но верно. На пятом месяце я впервые одела джинсы для беременных и с удивлением рассматривала себя в зеркало. Круглый, аккуратный животик делал меня совсем другой. Более... настоящей что-ли...

Я часто разговаривала с малышом. Рассказывала ему о Питере, о своей работе, о бабушке, которая его очень ждёт. Иногда читала вслух книги — говорят, это полезно для ребенка. Чаще всего читала ему стихи. Я полюбила Бродского здесь, в этом городе, где каждая улица дышит поэзией.

Однажды, гуляя по набережной, я почувствовала резкий толчок изнутри. Сильный, отчётливый. Я остановилась и замерла. Он повторился. Мой малыш впервые так явно давал о себе знать.

— Привет, — прошептала я, положив руки на живот. — Я тебя слышу. Я здесь, с тобой.

Прохожие спешили мимо, не обращая внимания на странную женщину, стоящую у парапета и глядящую себя по животу. А мне было всё равно. Потому что в этот момент я поняла окончательно: я правда не одна. И никогда больше не буду одна.

Питерское небо низко нависало над Невой, ветер трепал полы моего пальто, а я стояла и улыбалась. Впервые за многие месяцы: искренне, широко, от души.

— Мы справимся, слышишь? — сказала я малышу. — Обязательно. Потому что у мы есть друг у друга.

Машины шумели где-то вдалеке, а я чувствовала, как внутри меня зарождается та самая сила, о которой говорила врач. Сила материнства. Сила жизни. Сила, которая способна свернуть любые горы.

Я ещё не знала, что ждёт меня впереди. Не знала, что через несколько месяцев я встречу человека, который заставит меня улыбаться, а сердце биться чаще. Не знала, что Захар не оставит попыток меня найти. Но в тот момент, на набережной, под серым питерским небом, я была по-настоящему счастлива.

Впервые после всего, что случилось.

И этого никто не мог у меня отнять.

Вот вариант шестой главы, продолжающий историю Ксении. Я постарался сохранить стиль повествования, эмоциональную глубину и логику развития персонажей.

Глава 6.

Дочка родилась в конце мая, когда Питер вдруг решил показать, что он умеет быть не только серым и дождливым, но и по-настоящему теплым и по весеннему солнечным. Город утонул в цветущей сирени, и даже Нева стала казаться ярко-голубой, отражая чистое, ясное небо.

Я рожала двенадцать часов. Двенадцать часов боли, страха, отчаяния и надежды, которые тянулись так мучительно долго. Когда мне казалось, что сил больше нет, что я не

справлюсь, что это никогда не закончится, я вспоминала ту ночь в детской после измены, тот месяц одиночества и поезд, уносящий меня в новую жизнь. И понимала: я не имею права сдаваться.

— Ну же, милая, еще чуть-чуть, еще немножко, — врач, та самая, с добрыми глазами, похожая на маму, держала меня за руку. — Ты сильная. Ты справишься.

И я справилась.

Первый крик дочери я не забуду никогда. Он был таким громким, что я как будто очнулась из забытия. Мне положили на грудь крошечный, теплый комочек, и я забыла, как дышать.

— Девочка, — улыбнулась акушерка. — Три кило двести, пятьдесят два сантиметра. Здоровая красавица.

Я смотрела на нее и не могла поверить. На меня смотрели огромные, удивительно осмысленные глаза. Темные, как у Захара, но с моим разрезом. И они смотрели на меня так, как будто она знакомилась со мной.

— Здравствуй, маленькая, — прошептала я, касаясь губами ее влажного лобика. — Я твоя мама.

Назвала я ее Верой. Просто потому, что это имя пришло само, когда я впервые увидела ее. И потому, что она стала моей верой в себя, в будущее, в то, что всё будет хорошо.

Выписывали нас под мелодичный перезвон трамваев и запах цветущих яблонь во дворе больницы. Встречать приехали мои новые подруги с курсов для беременных — Катя и

Настя. Катя, высокая блондинка с веселым смехом, держала огромный букет ромашек. Настя, скромная тихоня, которая воспитывала сына одна, как и я, смущенно протянула крошечный вязаный плед.

— Сама связала, — сказала она. — Для Верочки.

Я чуть не расплакалась. Во второй раз за день. В первый раз я разревелась утром, когда дочка впервые неосознанно улыбнулась мне во сне.

Мы ехали в такси через весь город. Я держала Веру на руках и смотрела в окно на проплывающие мимо дворцы, мосты, каналы. Город, который когда-то казался мне чужим и холодным, теперь стал родным. Он принял меня, укрыл, дал силы. И теперь здесь родился мой ребенок. Настоящая петербурженка.

Первые месяцы материнства были похожи на сон. Бессонные ночи, бесконечные кормления, горы пеленок и распашонок, усталость до дрожи в коленях и такое всепоглощающее счастье, что хотелось кричать о нем на весь подъезд. Я почти не выходила из дома, только в ближайший парк, когда Вера засыпала в коляске. Мир сузился до размеров нашей маленькой квартиры, и мне этого было достаточно.

С работы я ушла в декрет. Елена Андреевна, моя бывшая начальница, очень расстроилась конечно, но пообещала, что меня все ждут. А пока я ушла во фриланс — брала небольшие заказы на написание текстов, пока дочка спала. Этого хватало на жизнь, но мне было и не нужно много. Главное,

что мы были вместе.

Я часто разговаривала с ней, когда мы оставались вдвоем в тишине квартиры. Рассказывала ей о бабушке, которая ждет не дождется, когда мы приедем к ней в гости. О море, которое я обещала ей показать. О том, какая она замечательная, самая лучшая девочка на свете. Я вглядывалась в ее лицо и искала черты, которые достались ей от отца. Находила и училась не вздрагивать и смириться с этим.

Однажды, когда Вере было уже четыре месяца, раздался звонок в дверь. Я не ждала никого, поэтому очень удивилась. А потом посмотрела в глазок и замерла от удивления

На площадке стояла бабушка. Моя любимая, родная бабушка, с тяжелым чемоданом и старенькой сумкой в руках.

Я распахнула дверь и повисла у нее на шее, чуть не плача.

— Бабуль! Ты как? Откуда?

— А чего мне сидеть одной в четырех стенах? — проворчала она, но я чувствовала, как дрожат ее руки, обнимающие меня. — Решила, все хватит: правнучку пора увидеть. Показывай давай, где она?

Вера как раз проснулась и начала возиться в кроватке. Бабушка осторожно, будто боясь разбудить, подошла, склонилась над ней. И я увидела, как по ее морщинистой щеке покатились слеза.

— Вылитая ты в детстве, — прошептала она. — Такая же махонькая, серьезная такая. А глазищи-то... Захаровы, конечно. Ну да ладно, не в этом счастье.

Я обняла бабушку за плечи. С ней в квартире сразу стало теплее. Будто включили обогреватель.

— Спасибо, что приехала.

— Глупая, — снова проворчала она. — Семья должна быть вместе. А этот твой... Пусть теперь локти кусает.

Я не спрашивала про Захара. Не хотела впускать его даже в разговоры. Но бабушка сама рассказала вечером, когда мы пили чай на кухне, а Вера сладко сопела в своей кроватке.

— Он приходил ко мне. Снова. Худой стал, изможденный и небритый. На коленях умолял сказать, где ты. Грозил, что найдет сам.

У меня внутри всё похолодело.

— И что ты ответила?

— А что я? Сказала, что знать не знаю, что внучка за границу уехала, в Австралию или еще куда. И вообще, чтоб забыл к нам дорогу. Полицией ему пригрозила. Он и ушел. Но ты, Ксюша, будь осторожна. Глаз у него нехороший стал, бешеный. Чует мое сердце, не успокоится он на этом.

Ночью я долго не могла уснуть. Смотрела в темное окно, слушала мерное дыхание дочери и думала: неужели он не оставит нас в покое? Неужели прошлое может вернуться и разрушить то хрупкое счастье, которое я с таким трудом построила?

Я посмотрела на Веру. Она спала, раскинув ручки, безмятежная и спокойная. И я приняла решение. Я не позволю никому причинить ей боль. Ни Захару, ни Альбине, никому.

Я ее мать и должна ее защитить от всего на свете. И я справлюсь с чем угодно.

На следующее утро я проснулась от того, что Вера гулила в своей кроватке, а из кухни пахло свежими оладьями. Бабушка хлопотала у плиты, что-то напевая себе под нос.

— Проснулась? — обернулась она. — А мы тут с Верочкой уже познакомились поближе. Она у тебя умница, не капризная. В тебя пошла.

Я улыбнулась и села за стол, накрытый старой клеенкой в цветочек, которую бабушка привезла с собой «на всякий случай». И вдруг поняла, что именно этого мне не хватало все эти месяцы. Дома. Того самого чувства, когда ты не одна, когда есть родная душа рядом, которая не предаст, не обманет, не ударит в спину.

— Бабуль, — сказала я. — Спасибо, что ты у меня есть.

Она махнула рукой, пряча смущение.

— Ешь давай, пока не остыло. А вечером пойдем все вместе гулять. Я этот ваш Питер посмотреть хочу. Говорят, он очень красивый.

Мы гуляли по вечернему городу. Бабушка ахала и охала, разглядывая дворцы и соборы, а я катила коляску и чувствовала, как на душе становится легко и спокойно. Вера сладко спала, укрытая пледом, связанным Настей. Где-то вдалеке играли уличные музыканты, и этот звук, смешанный с шумом воды и голосами прохожих, казался мне лучшей колыбельной в мире.

Мы остановились на набережной, у того самого места, где я когда-то впервые почувствовала шевеление Веры. Бабушка смотрела на Неву, на купола церквей, на разводящиеся мосты вдалеке.

— Хороший город, — сказала она наконец. — Душевный. Не зря ты сюда уехала, Ксюша. Здесь твое место.

Я обняла ее за плечи, прижалась щекой к ее теплomu плечу.

— Спасибо, что ты меня понимаешь.

— А чего тут понимать? — она повернулась и посмотрела на меня своими мудрыми, все понимающими глазами. — Ты сильная, Ксения. Всегда была. Просто раньше ты не знала об этом. Жалко конечно, что узнала таким способом.

Я посмотрела на спящую дочь, на бабушку, на город, раскинувшийся вокруг. И подумала: а ведь она права. Я правда сильная. Я смогла уйти от мужа. Смогла начать все заново. Смогла выносить, родить и полюбить эту маленькую девочку так, как не любила никого и никогда. И теперь я смогу все, что угодно.

Потому что я теперь мама. Потому что я в ответе за маленькое чудо. И еще нас стало теперь трое: я, Вера и бабушка. А вместе мы — сила.

Вот исправленная седьмая глава. Захар больше не просит прощения и не выглядит жалким — он зол, хорошо одет, сух в общении и требует права видеть дочь, не пытаясь вернуть Ксению.

Глава 7.

Бабушка прожила с нами почти полгода.

Это было удивительное время. Время наполненное суетой, вкусными запахами из кухни, бабушкиным ворчанием и бесконечной нежностью, с которой она нянчилась с Верой. Я словно вернулась в детство, только теперь уже сама была мамой, а бабушка — моей тихой гаванью, надежным тылом.

По утрам я просыпалась от запаха оладий или сырников, находила Веру в кровати бабушки, где они вдвоем сладко сопели, прижавшись друг к другу, и чувствовала такую благодарность, что словами было не передать. Впервые за долгое время я перестала бояться темноты, одиночества, звонка в дверь, будущего.

Но в ноябре бабушка вдруг засобиралась домой.

— Соскучилась я по своему дому, по соседкам, — говорила она, собирая свой старенький чемодан. — Да и вам с Верой пространство нужно. Я свое дело сделала — убедилась, что у вас всё хорошо. А теперь живите своей жизнью.

Я уговаривала ее остаться хотя бы до Нового года, но бабушка была непреклонна. Упрямая, как и я.

— Ты, Ксюша, не переживай. Я буду приезжать. И ты с Верой приезжай, как подрастет малая. Познакомится с настоящей деревней, с коровами, с курами. А то растет городская совсем.

Я обнимала ее на перроне Московского вокзала и едва сдерживала слезы. Вера гулила в слинге на груди, теребя мои

волосы.

— Береги себя, бабуль.

— А ты себя береги, — она строго посмотрела на меня. — И помни: ты у меня сильная. Что бы ни случилось, ты со всем справишься. А если что, сразу звони. Я приеду хоть ночью.

Поезд тронулся, унося ее в мое прошлое, а я осталась на перроне с моим настоящим и будущим на руках.

— Ну что, Вера, — сказала я, поправляя ей шапочку. — Остались мы с тобой опять вдвоем. Ничего, жизнь продолжается.

И мы опять остались вдвоем.

Зима в Питере оказалась волшебной. Я водила Веру в музеи — она благоговейно таращилась на картины в Русском музее, засыпала под шелест моих шагов залов Эрмитажа. Мы гуляли по заснеженным паркам, кормили уток на замерзших прудах, пили горячий шоколад в маленьких кафе на Петроградской. Я показывала ей город и учила его любить так же, как полюбила его сама.

Вера росла удивительно спокойным ребенком. К году она уже твердо стояла на ножках и пыталась произносить первые слова. «Ма-ма» получалось отчетливо и громко, а вот «ба-ба» пока выходило смешно и неразборчиво. Я записывала на видео каждый ее новый навык и отправляла бабушке. Та смотрела, всплескивала руками и требовала новых фотографий.

Я вернулась на свою прежнюю работу — Елена Андреев-

на сдержала слово. Фриланс сменился полноценным графиком, но вначале руководство пошло мне навстречу: я работала удаленно, пока Вера была маленькой, а когда ей исполнился год и три месяца, устроила ее в частный детский сад неподалеку от дома. Там была небольшая группа, заботливые воспитатели, вкусное питание — я выбирала тщательно, чтобы ни минуты не переживать за дочь.

Постепенно жизнь вошла в спокойное русло. Утром сад, работа, вечер — прогулки, купание, сказки на ночь. Иногда, уложив Веру, я выходила на кухню, пила чай и смотрела в окно на огни ночного города. И понимала, что я по настоящему счастлива, без оглядки на прошлое. Просто счастлива.

Но прошлое, как оказалось, не собиралось меня отпускать.

Это случилось в марте. Вере было уже почти два года. Я забирала ее из сада, как обычно, около семи вечера. Мы шли домой по набережной, Вера семенила рядом, держа меня за руку и рассказывая что-то на своем детском языке. Я слушала вполуха, улыбалась и думала о том, что нужно купить продукты на ужин.

И вдруг я почувствовала чей-то взгляд.

Резко обернулась. Люди шли по своим делам, никто не обращал на нас внимания. Но ощущение чужого присутствия не отпускало, свербело между лопаток, заставляло сердце биться чаще.

Я ускорила шаг, почти понесла Веру на руках. Дома я за-

крыла дверь на все замки и долго стояла, прислушиваясь к звукам в подъезде. Тишина.

— Мама? — Вера дергала меня за штанину. — Мама, кушать?

— Сейчас, доченька, — я взяла себя в руки. — Сейчас будем ужинать.

Я списала всё на усталость и мнительность. Но через неделю это повторилось. Я выходила из подъезда, чтобы пойти за Верой в сад, и снова почувствовала взгляд. А потом увидела ЕГО.

Захар стоял у соседнего дома, прислонившись к стене и не сводя с меня глаз. Но это был не тот Захар, которого я помнила.

Он выглядел... потрясающе. Дорогое пальто, идеально сидящее по фигуре. Модная стрижка, гладко выбритое лицо. На руке я заметила часы, которые стоят, наверное, как моя годовая зарплата. Спокойный, уверенный взгляд человека, который знает себе цену. От растерянного мужчины, умолявшего о прощении два года назад, не осталось и следа.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Здравствуй, Ксения, — сказал он ровно, без тени эмоций. — Долго же я тебя искал.

Голос сухой, деловой. Никакого надрыва, никаких просьб.

— Как ты меня нашел? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Это было нетрудно, — он пожал плечами. — Бабушка

твоя, конечно, молчала как партизан. Но частные детективы нынче делают свою работу хорошо.

Он шагнул ближе. Я инстинктивно прижала Веру к себе.

— Это моя дочь? — Захар посмотрел на ребенка. Взгляд его изменился — стал внимательным, изучающим. Но мягче не стал.

— Да, — ответила я коротко.

Вера спряталась за мою спину, испуганно глядя на незнакомца.

— Сколько ей?

— Почти два.

— Два года, — повторил он медленно. — Два года, Ксения. И ты все это время молчала.

В голосе его прорезался металл.

— Я не обязана была тебе об этом сообщать, — ответила я, стараясь держать оборону.

— Не обязана? — он усмехнулся, но усмешка вышла злой. — Это моя дочь. Ты родила моего ребенка и скрывала это от меня два года. Ты понимаешь, как это называется?

— Это называется "я защищала своего ребенка от человека, который предал меня", — отрезала я.

Захар покачал головой. В его глазах не было раскаяния. Только холодная ярость.

— Предал тебя. Да. Я был не прав. Но это не имеет отношения к моему отцовству. Ты не имела права решать за меня, хочу я знать о своем ребенке или нет.

— А ты не имел права спать с моей подругой! — вырвалось у меня.

Он поморщился, словно я напомнила о чем-то неприятном, но давно пережитом.

— Это наше прошлое. Я не собираюсь оправдываться. Скажу прямо: наши отношения закончены, я это понял и принял уже давно. Ты ясно дала это понять, и я не буду ничего возвращать. Но дочь это совершенно другое дело. Она моя, и я буду добиваться права ее видеть.

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Передо мной стоял чужой, уверенный в себе мужчина, который не просил: требовал своего.

— Ты не увидишь ее, — сказала я твердо.

— Увижу, — он говорил спокойно, но в голосе чувствовалась сталь. — Либо мы договариваемся по-хорошему, и я налажу общение с дочерью с твоего согласия. Либо я подаю иск об установлении отцовства и определении порядка общения. У меня сейчас хорошие юристы, Ксения. И деньги тоже у меня есть. Я выиграю это дело с легкостью.

— Ты мне сейчас угрожаешь?

— Я просто констатирую факт, — он поправил рукав пальто. — Я не хочу войны с тобой. Но и отказываться от дочери не буду. Ты два года скрывала ее от меня : это жестоко и неправильно. Я зол на тебя за это. Очень зол. Но выплескивать злость не собираюсь. Мне нужно только одно: видеть своего ребенка и общаться с ним.

Вера всхлипнула и заплакала. Напряжение между нами передалось и ей. Я присела, обняла дочь, зашептала успокаивающие слова.

Захар смотрел на нас. Что было в его взгляде — невозможно было прочитать.

— Я дам ей время ко мне привыкнуть, — сказал он наконец, уже более спокойным голосом. — Я не буду врываться в вашу жизнь. Но ты подумай над моими словами. Я пришлю письмо с предложениями к тебе на электронную почту. И надеюсь, мы решим всё без суда.

Он развернулся и пошел прочь. Ровная спина, уверенная походка. Чужой человек. Я смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри всё сжимается от страха и злости.

Вечером, уложив Веру, я сидела на кухне и сжимала в руках чашку с остывшим чаем. Мысли путались.

Он даже не просил прощения. Даже ни разу не упомянул об этом. Он просто констатировал: прошлое осталось в прошлом, наши отношения не вернуть и он очень зол на меня за то, что я скрывала ребенка от него ребенка.

Я понимала его злость. Где-то глубоко в душе, может против воли, понимала. Если бы у меня скрывали ребенка, я бы тоже была в ярости. Но это не отменяло того факта, что он предал меня. Что из-за него я провела два года в одиночестве, поднимая дочь без отца.

Через три дня пришло официальное письмо от его юриста: предложение заключить мировое соглашение о порядке

общения с ребенком. Вот он и начал действовать :без угроз пока, но четко давая понять: если я откажусь, он обратится в суд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.